

В. М. Шмидт

ВОСПОМИНАНИЯ

Война застала меня в возрасте 14 лет. Мы с матерью, находившейся с отцом в разводе, жили вдвоем в коммунальной квартире в доме № 20 по Плуталовой улице (недалеко от площади Льва Толстого). Но день 22 июня 1941 г. я встретил не в Ленинграде, а в Пушкине, где жил и работал отец, занимая с бабушкой половину деревянного домика с садом. Незадолго до этого сбылась моя мечта: мать подарила мне щенка немецкой овчарки, и было решено: я, со своей Альмой, проведу лето у отца. Каждое утро начиналось с того, что, взяв собаку на поводок и прихватив бидон, я отправлялся с ней в ближайшую столовую за овсяной кашей.

Так было и в тот день, но до столовой я не дошел. Внезапно включили репродукторы и я услышал страшную весть...

Люди стояли молча, и я почувствовал, как от прилива ненависти у меня сжались кулаки, а на глазах выступили слезы. Уверен, что это было общее чувство всех, кто стоял рядом со мною.

Я бросился домой, но отец уже все знал. Скоро приехала из города мать, однако, переговорив с отцом, оставила меня в Пушкине: ему было 56 лет, и по состоянию здоровья он не подлежал мобилизации.

Шли дни. Иногда высоко в небе разыгрывались воздушные бои: наши И-16 мужественно преграждали путь фашистским бомбардировщикам, идущим на Ленинград. Как радовались люди, когда нашим летчикам удавалось сбить фашистский самолет! Падали, увы, и наши «ишачки» — так ласково называли тогда верткие, маневренные, но уж слишком тихоходные и уязвимые истребители. Однажды (это было в Александровском парке) началась сильная стрельба зенитных установок, и прямо над моей головой довольно низко пронеслось несколько фашистских самолетов; от них отделились темные точки и понеслись к земле. На всякий случай я лег на землю, но эти точки, не долетев до земли, рассыпались белым веером: оказалось, что немцы сбросили листовки. Люди презрительно смеялись: разве можно было глупыми листовками поколебать веру народа в скорую победу? Всюду были развешены плакаты и лозунги, в кинотеатрах шли фильмы, в которых Гитлер и его приспешники изображались в карикатурном виде и вызывали всеобщий смех... Никто еще не думал о тех тяжелых испытаниях, которые не замедлили прийти.

В начале августа 1941 г. умерла бабушка, и отец отправил меня в Ленинград. Немцы между тем наступали, бомбежки участились. Время было тревожное, но 1-го сентября, как всегда, начались занятия в школах. Поначалу, мы, мальчишки, бегали смотреть на разрушенные бомбами дома, собирали осколки бомб, но затем нашли себе более серьезное занятие: несмотря на запреты матерей, стали дежурить на крышах. Чердаки были оборудованы бочками с водой, ящиками с песком и длинными щипцами для

Шмидт Владимир Михайлович (1927–2012) — профессор, заведующий кафедрой ботаники ЛГУ с 1978 по 1990 г.

© В. М. Шмидт, 2013

сбрасывания вниз зажигательных бомб. Жутковато было ночью на крыше во время очередной бомбежки: гул самолетов, грохот зениток; скрещенные лучи прожекторов то и дело выхватывали в небе маленький черный крестик и, казалось, вели его за собой. Изредка этот крестик вдруг окутывался дымом, и тогда лучи провожали его вниз. Однажды на соседней улице упала фугасная бомба, но не взорвалась. А к «зажигалкам» мы быстро привыкли и научились ловко с ними управляться. Немцы сбрасывали их пачками, при падении они издавали хлопающий звук, как будто по асфальту или крыше кто-то в шутку хлопает досками. Однако многие дома горели. Зарево над городом стало обычным спутником бомбежек. Позднее, именно с крыши, довелось мне видеть огромный пожар — это горели Бадаевские продовольственные склады.

Осенью, когда враг подходил все ближе, мы с матерью вместе с десятками тысяч ленинградцев несколько раз выезжали на специальных поездах в районы строительства укреплений. Сначала — довольно далеко, на станцию Веймарн под Кингисеппом, потом — все ближе и ближе к городу. Копали окопы, но главным образом — противотанковые рвы. Над нами, поливая огнем, проносились иногда фашистские самолеты. Были убитые и раненые, но после налета работа продолжалась.

Все труднее становилось с питанием, продуктов на продовольственные карточки давали все меньше и меньше. Когда ударили первые заморозки, все отправились за город на капустные поля собирать — «хряпу» — подмороженные зеленые листья капусты. Вероятно, это была последняя «витаминная» пища горожан перед блокадой...

Блокада... Много можно вспомнить о ней, но ведь основное давно написано и известно всем людям. Выбитые воздушной волной окна, кое-как заделанные фанерой и одеялами. Буржуйка посреди комнаты. На топливо пошла мебель: сначала табуретки, стулья. Потом пришлось разломать старинный шкаф красного дерева.

Но город жил, люди работали. Мать еще ежедневно ходила на работу пешком — до Исаакиевской площади: она работала научным сотрудником в ВИРе. Занятия в школах прекратились, и я часто ходил вместе с ней. Вообще решили держаться рядом, даже спали на одной кровати, укрывшись от холода ковром.

Директором ВИРа тогда был И. Г. Эйхфельд, впоследствии — президент АН Эстонской ССР. Нельзя вспоминать его без чувства благодарности и теплоты. Многим сотрудникам и их детям помог он выжить в ту ужасную зиму. Никто не смел и даже не помышлял дотронуться до основных — мировых! — коллекций зерновых и бобовых культур. Но время от времени И. Г. Эйхфельд разрешал выдавать наиболее ослабевшим сотрудникам малоценные образцы сои, льняного семени, засушенные снопы люцерны. Из льняного семени, помнится, несколько раз варили кашу, более похожую на клей, а из сена люцерны — «роскошный» суп. Довелось попробовать и «студня» из столярного клея. Грызли знаменитую «дуранду» — прессованные жмыхи с отвратительным вкусом. Как-то убило снарядом институтскую лошадь (возчик, кажется, остался жив). Вот это был праздник! Сотрудники получили по куску конины, и я до сих пор помню, как мать разделила его на части, и несколько дней мы ели бульон с кусочками мяса. Да, 125 г черного глинистого блокадного хлеба в день не забыть никогда. Как-то я вспомнил, что будучи еще маленьким и не желая доедать кусочки хлеба, забрасывал их украдкой от матери на буфет, под самый потолок. Извлек горстку пыльных сухариков, мы их вымыли и сварили. Знали, что люди едят кошек. Долго не мог решиться, но, наконец, я вышел на «охоту». Оказалось, что уже поздно: ни одной кошки даже не увидел. Постепенно мы слабели, особенно мать, всегда старавшаяся дать мне кусочек побольше.

Наступил день, когда от холода жить дальше в нашей квартире стало невозможно. И вот, погрузив на саночки пару чемоданов, мы отправились на квартиру родителей моей матери (Владимирский, 5). Дед мой был профессором математики, работал в Технологическом институте. К тому времени он уже не вставал с постели, но окна были целы, а буржуйка хорошо согревала нас. Мы поставили кровать рядом с ним. Когда-то он, будучи классным шахматистом, научил меня играть в шахматы. На мое предложение сыграть он только слабо махнул рукой. Кроме тепла здесь было еще одно преимущество: дедушка был членом Дома Ученых, и ему ежедневно полагался обед — полкотелка супа и второе. Мне вменили в обязанность ежедневно ходить за этим обедом, а дома его делили на 5 частей: одну часть деду, одну — мне, а остальные — трем моим двоюродным сестрам, которые жили тут же со своими родителями. Остальные из этого «богатства» не получали ничего. Правда, тут был запас столярного клея, который бабушка выменяла на рынке за какую-то золотую вещицу. Студень, помнится, мы ели с уксусом (довоенный запас!).

Проснувшись под Новый Год, я не сразу понял, что дед мертв... Щепетильная бабушка прекратила мои походы в Дом Ученых. Тело дедушки увезли через два или три дня, место захоронения известно только приблизительно. Стало совсем плохо.

Какая была радость, когда прибавили норму выдачи хлеба! Ведь это воспринималось как победа! И хотя за водой я по-прежнему ходил к проруби на Фонтанке, с трудом волоча ведро (иногда падал, и снова приходилось становиться в очередь), мысль о том, что сегодня кусочек хлеба будет чуть побольше, придавала новые силы.

И вот, как ни странно, именно к этому времени, когда хоть немного стало легче, относится мое самое страшное воспоминание о блокаде — куда более страшное, чем голод, бомбежки и обстрелы.

У ворот дома № 5 по Владимирскому проспекту, где мы жили, помещалась булочная. К ее открытию выстраивалась очередь полуживых замерзших людей: каждому хотелось поскорее получить свою норму, некоторые съедали ее тут же и, понурясь, брели домой, но большинство, собрав все крошки, уносило это сокровище к себе (вероятно, это были люди, которым еще было о ком заботиться).

Стоя однажды в этой очереди, я вдруг услышал радостный крик ребенка: «Мама, мама! Смотри — мясо везут!» Я взглянул в том направлении, куда указывала ручка ребенка... и обомлел: по другой стороне улицы шел грузовик, кузов которого доверху был заполнен раздетыми трупами людей... Красно-синие руки и ноги торчали во все стороны. Везли на кладбище очередную партию жертв страшной блокады; не знаю почему трупы были голые. Но этот радостный крик... Разве можно забыть или простить такое!? Никогда!

В конце февраля 1942 г. И. Г. Эйхфельд предложил моей матери эвакуироваться с группой сотрудников ВИРа в г. Красноуфимск Свердловской области. Она согласилась. Стояли сильные морозы, и мать на дорогу сшила нам обоим страшные на вид, но теплые «валенки» из старого ковра.

И вот, погрузив на саночки два чемодана, отправились мы с ней к Финляндскому вокзалу. Не помню уж, сколько часов продолжался этот путь. Помню только, что поднять саночки на ступени вокзала мы не смогли и сели в снег. Мать плакала, а я тупо стоял около. На наше счастье подошел какой-то военный и помог нам затащить саночки в здание вокзала. Здесь работал эвакуопункт, и мы немедленно получили... как бы вы думали, что? — по куску хлеба и по паре горячих сарделек! Это было блаженство!

Затем мы погрузились в эшелон, заснули и проснулись уже в Борисовой Гриве. Там в спешном порядке нас разместили в кузове одного из грузовиков целой колонны (мать подняться в кузов уже не могла, кто-то поднял ее) и повезли по льду Ладоги в Жихарево. Мороз стоял лютой, воздух звенел. Вот тут-то и помогли «валенки», кроме того, мы достали одеяла и завернулись в них. Лежали все вповалку. Высоко в синем небе шли воздушные бои, несколько раз нас бомбили и вверх поднимались фонтаны воды и льда, но, в конце концов, мы благополучно прибыли на станцию Жихарево. Здесь мы увидели несколько двух- или трехэтажных деревянных бараков, в одном из которых нам предложили оставить вещи и идти обедать в столовую — эвакупункт — одноэтажное здание в полукилометре от бараков. В столовой была масса людей, и мы встали в очередь за супом.

Случилось так, что я оказался вместе с матерью у одной из колонн посреди огромного здания (похоже, что это был раньше местный клуб). И в этот момент началась бомбежка. Такого мы не испытали даже в Ленинграде! Одна из фугасок упала совсем близко за окнами. Стекла и рамы вышибло, люди (а их было, наверное, не меньше тысячи) были опрокинуты на пол взрывной волной, а меня прижало к колонне. Лечь было некуда: везде люди! Увидел лежащую рядом мать и лег прямо на нее. С крыши столовой стучал зенитный пулемет. Слышались взрывы бомб, но потом все кончилось. Люди стали подниматься с пола. Нашлись и такие, кто, обезумев, прорвался к разбросанным на полу буханкам хлеба и стал запихивать их к себе за пазуху. Но их было мало, и возмущение остальных быстро прекратило этот разбой. Но тут же объявили, что суп выдавать не будут, так как в котлы насыпались осколки разбитых окон. Получив хлеб и второе, вышли на улицу. Метрах в пяти от стены зияла глубокая воронка от бомбы. Почти прямое попадание! Но я не скажу, что после Ленинграда мы восприняли это как нечто необыкновенное. Месяцы блокады приучили нас ко всему.

Хуже мы себя почувствовали, когда завернули за угол столовой, направляясь к баракам. Была уже ночь. И на темном фоне неба ярким костром полыхало несколько бараков! Считая и сбиваясь со счета, мы с матерью установили наконец, что наш барак не горит. Много ли можно было увезти в двух чемоданах, но лишиться их казалось бедствием. Ночевали в бараке и даже не слышали очередных налетов, которые, как нам потом объяснили, повторялись в эту ночь трижды. Видимо, очень уж не хотелось немцам упускать ленинградцев, прорвавшихся по Дороге жизни. Боялись, мерзавцы, что из переживших блокаду получится неплохой «жизненный материал». Ошиблись в очередной раз.

Утром погрузились в теплушку, в центре которой стояла печка. Чьи-то добрые руки положили и запас поленьев — на первый день: дальше добывать топливо эвакуированные должны были сами. Поехали. По пути, где были остановки, везде были оборудованы эвакупункты, т. е. раз в день можно было рассчитывать на горячий обед. Я уверен, что большего в тот страшный год наша страна сделать не могла. А для ленинградцев, изнуренных блокадой, это был «дар божий».

Трудно вспоминать тот путь. Кое-что стерлось в памяти за давностью лет. Но самое главное — порою самое страшное — сохранилось. Смешно по нынешним меркам сказать: ехали мы до Красноуфимска три недели. Иногда теплушки стояли на запасных путях два-три дня. Но все понимали: железная дорога нужна прежде всего фронту. Ну, а мы — вроде уже живые!

Впрочем, не всегда так. Были среди нас и мертвые. Почти каждый день из вагонов выносили трупы. Их оставляли тут же, возле рельсов. Весь путь — от Ленинграда

до Вологды — был отмечен трупами, засыпанными снегом. Вот еще один страшный случай. Мне было поручено от всей нашей теплушки приносить в термосах пищу. Дело было в Бабаево. Как обычно, погрузив термосы на саночки, пошел я в эвакупункт (везде висели указатели) за обедом. Путь прошел обычно. Но когда я вез груженные термосы обратно, вдруг почувствовал, что все время перетаскиваю санки через какие-то бугры. И вдруг увидел, что это занесенные снегом трупы людей! Сейчас это вспомнить ужасно, но тогда я только деловито следил за тем, чтобы саночки не перевернулись...

Умирали люди и в нашей теплушке, заполненной, в основном сотрудниками ВИРа. Умирали по-разному. Некоторые — просто не перенесли выпавших на их долю испытаний! Другие — от внезапной обильной пищи: на всех станциях сердобольные жители просто так приносили к эшелону ведра с вареной картошкой, хлеб. Нельзя было нарушать основной заповеди дистрофика: если сразу много съешь — наверняка умрешь. Мать мне не позволяла много есть, а у нее самой, как у многих других, началась «голодная дизентерия». Был случай, когда я ее едва вытащил из под колес двинувшегося состава. Картина в тот момент была просто жуткая: вдоль эшелона на корточках сидели сотни человек...

А бывала и смерть по заслугам. В нашей теплушке все делились друг с другом, чем могли. Но нашлась пожилая женщина, у которой был целый мешок с продуктами, в том числе и салом. Откуда она его только взяла? Никто не знал. Так, вот, дождавшись конца общей трапезы (когда в моих термосах ничего не оставалось и люди расплозались по нарам), она придвигалась к печке и начинала священнодействовать: развязывала свой мешок, доставала свои продукты, что-то варила и жарила. И что же? Не доехав до Вологды, она отправилась на тот свет. Никто не пожалел жадную старуху, не жалко мне ее и сейчас, когда пишу эти строки.

Последний «привет» от фашистов наш эшелон получил в Тихвине. Произошло это так. После остановки, как всегда, я с термосами для теплушки и многие другие «одиночники» отправились на эвакупункт за едой. Не успели получить пищу, как начался авианалет на станцию (Тихвин — крупный узловой центр). Пробираясь с термосами к своей теплушке, я видел как взрываются на путях бомбы, как загорелись эшелоны, а их было много. Но наш эшелон чудом избежал попаданий и тут же тронулся в путь. Так, среди огня, между пылающими составами, мы выбрались из этого пекла. Дальше было тихо, но путь наш длился очень долго.

Наконец, через три недели, мы прибыли в Красноуфимск. Здесь сотрудников ВИРа и их детей уже ждало множество саней. Была ясная ночь, светили звезды, стоял сильный мороз. Завернувшись в имевшиеся в санях полости, мы ехали, слушая скрежет полозьев, между каких-то, как мне показалось, высоких гор (ведь гор я до тех пор не видел!). Впечатление было, конечно же, ложное: не по дну ущелий мы ехали, а просто по сторонам дороги стояли довольно высокие холмы.

Пять километров пути (впоследствии хорошо знакомых) — и мы на селекционной станции. Под причитания местных женщин, которых несказанно поразил страшный вид «выковыренных» (так прозвали эвакуированных), нас разместили на втором этаже местной школы и принялись откармливать.

Семьи отгородили сначала занавесками, потом явились плотники и построили легкие перегородки с дверями, так что у всех образовывались свои «комнаты». Рядом жили супруги Эверты (Эвэрт был фотографом в ВИРе и отличался не очень добрым

характером), далее — семья Красочкиных (их сын Альдик стал моим другом), Мордвишкины, Леповы и др. Думаю, в ВИРе их помнят.

Мать болела месяца два — давала знать себя дистрофия. А я оправился очень быстро. Стал ходить в школу в Красноуфимск, а для этого надо было прошагать 5 км туда и столько же обратно.

Весна 1942 г. была для меня весной возрождения к жизни. Грешен: не раз и не два, вместо того, чтобы идти в школу, я целыми днями бродил по горам и логам, слушая звенящие ручейки, наблюдая оживление природы, первые зеленые ростки. Это было незабываемое время. Я был один, но совершенно непередаваемым образом ощущал свое единение с природой — значит, я был не один. А если добавить к этому чувство возрождения к жизни, целебный воздух и ярко-синее небо Предуралья — можно представить себе, какие чувства одолевали 15-летнего мальчишку, испытавшего ужасы блокады. К тому же хотелось скорее вырасти и уйти на фронт, так как ненависть к фашистам просто жгла мою душу.

А время шло. Весной нам отвели участок, и мы с матерью посадили картошку, морковь, брюкву. Школьные занятия кончились. Пошел работать на селекционную станцию. Сеял зерновые (научился управлять сеялкой). На станции был организован филиал ВИРа. Мать — биохимик растений — работала в лаборатории.

Именно в это время, летом 1942 г., мать познакомила меня с Николаем Александровичем Миняевым, также сотрудником ВИРа, эвакуированным из Ленинграда другим эшелонам. Эта встреча, как оказалось впоследствии, стала решающей в моей жизни. Сначала Н. А. Миняев привлек меня к опытам над томатами, на которых ему хотелось проверить гипотезу академика Лысенко о стадийном развитии растений. Мы усердно черенковали помидоры, выращивая новые растения из нижней, средней и верхней частей материнского растения. Честно говоря, я до сих пор не знаю, что из этого получилось, но зато я твердо знаю другое: с тех пор я стал в душе ботаником, хотя до осуществления моих мечтаний был очень долгий и нелегкий путь.

Война еще раз напомнила о себе зимой 1942–1943 гг. Дорога в школу (путь составлял, как я уже говорил, 5 км) проходила под железнодорожным мостом у самого Красноуфимска. К тому времени я уже бойко бегал на лыжах и катался с высоченных гор без палок (так было принято у местных мальчишек: только трус брал с собою палки!). Естественно, что я ходил на лыжах в школу не по извилистой дороге, а напрямую. И вот однажды, недалеко от моста, где рядом было городское кладбище, я увидел жуткую картину: из эшелона теплушек выбрасывали в снег десятки трупов румынских солдат, которые не выдержали плена и дороги в лагеря. Их похоронили в братской могиле, но погода была ясная, и еще недели две по пути в школу я видел вдалеке у железнодорожной насыпи грязное пятно в белом снегу — место, куда сбрасывали трупы.

Летом 1943 г. Н. А. Миняев решил плотнее привлечь меня к ботанике, устроив меня коллектором в экспедицию Свердловского ботанического сада. Фронт нуждался в лекарствах, и моя задача состояла в поисках зарослей ряда лекарственных трав, картировании местонахождений и оценке запасов сырья по определенной методике. До сих пор удивляюсь, как отпускала меня мать одного в дальние странствования по трем районам Свердловской области (правда, мне было уже 16 лет!). Выглядело это так: я брал гербарную сетку, полевую тетрадь, одевал на ноги лапти (да, да! — другой обуви не было!), и на спину водружал вещевой мешок с кое-какими продуктами — и уходил из дома на одну-две недели. Кстати лапти — великолепная обувь на любую погоду! Легко и удобно! Была

с собою карта, был и компас, были и встречи с медведями в малинниках! Специальная бумага от Свердловского ботанического сада позволяла мне просить ночлега и пищи в сельсоветах. Не помню ни одного случая, когда бы меня не приютили и не накормили. Зато запомнилось, что одна женщина — председатель сельсовета (ведь мужчины воевали!) настолько расщедрилась, что велела мне выдать со склада 3 кг мяса и 1 кг меда; увела в свой дом, и после долгих переходов я впервые спал на высоченной кровати, утопая в подушках и пуховых перинах; а сама хозяйка с дочерью, уступив место гостю, ушли спать на сеновал. Радушие женщин-солдаток поражало меня еще не раз.

Осенью того же года дирекция ВИРа предложила матери переехать в Краснодарский край, на Кубанскую опытную станцию института (ст. Отрада-Кубанская). От Казани до Сталинграда мы плыли на пароходе. Прибыли ночью. Светила луна. Нас вели через горы битого кирпича по узенькой тропке на железнодорожный вокзал (вернее, к временному барраку, уже построенному на месте бывшего вокзала). Запомнились жуткие развалины, стены, через пустые окна которых светила луна, и качающаяся от ветра громадная стена у самого вокзала. Но всего страшнее был странный аромат, висящий над городом. Не сразу мы догадались, что это был трупный запах... Ведь сражение закончилось не так давно, а под руинами города покоились тысячи убитых... Волгоград мне довелось посетить только 40 лет спустя, и я с великим трудом нашел тот путь, которым мы шли в 1943 г. Помню, что в окне поезда, шедшего из Сталинграда в Краснодар, виднелись бесконечные ряды остовов сгоревших вагонов, разбитые танки, автомашины, артиллерийские орудия. Война лишь недавно покинула эти места, и ее следы были видны повсюду.

В Отраде-Кубанской нас встретили арбузами, дынями, персиками, абрикосами и виноградом. В школу было ходить теперь ближе — километра три. Летом 1944 г. успел поработать сторожем на сортовом винограднике и даже поймал вора.

А 27 ноября 1944 г. вместе с двумя друзьями из 9-го класса был призван в ряды Советской Армии Гулькевическим райвоенкоматом. Было мне тогда 17 лет. Нас троих отправили в г. Армавир в учебно-стрелковый полк, и попали мы в самый трудный противотанковый батальон. Наше оружие — ПТР (противотанковое ружье) весило 22 кг. Полагалось носить его вдвоем, но нас тренировали поодиночке. Положит, бывало, сержант в глубокий снег и начнет командовать: «Танки слева!», «Танки справа!», «Танки с тыла!» и т. д., а через пару минут вокруг тебя черный круг в снегу — до земли!! Суровая была школа, но ведь шла война! Удивительно, но в сильный мороз занимались еще строевой подготовкой. Ее ненавидели, но что поделаешь! А в душе каждый жил надеждой: скорее бы на фронт. Понимали, что там не легче, но больно досаждали нам всяческой муштрой тыловые командиры (впрочем, многие из них служили здесь после ранений на фронте). Самое трудное для новобранца вообще, а уж в военное время — особенно! — это первые 3–4 месяца службы. Многое кажется диким, глупым, непонятным. Потом привыкаешь. Гражданская беспорядочность поведения уступает место армейской четкости и логике. И начинаешь понимать, что если ты интеллектуально выше сержанта, то это еще мало что значит по сравнению с его армейским опытом, особенно, если сержант попался фронтовой, хлебнувший лиха.

Четыре месяца таскал свой ПТР. Стрелять из него и горе, и радость. Горе потому, что после четырех-пяти выстрелов до плеча не дотронуться: такая сила отдачи. Многих даже тошнило после двух-трех выстрелов. Радость потому, что бьет — как в копеечку. На 300 м даже не весть какой опытный стрелок разбивал консервную банку.

Стали формировать так называемые «маршевые роты» и отправлять на фронт. Мы знали, что «пэтээровцы» всегда получают один приказ: «Ни шагу назад!», но все стремились нанести врагу последний удар!

И тут неожиданно прибыла комиссия из Краснодарского артиллерийско-минометного училища с задачей произвести среди солдат отбор курсантов для этого училища. Устроили диктант и контрольную работу по математике. Я попал в число отобранных, получил соответствующие документы и был направлен в указанное училище.

Легко сказать: направлен! Надо было еще сесть на поезд Армавир—Краснодар! Кто помнит железнодорожные составы тех лет, тот не удивится, если я поведаю, что ехал сначала... между вагонов, т. е. на буферах, а потом мне повезло — освободилось место на крыше. Надо сказать, что в те времена в Краснодарском крае было еще неспокойно. Орудовали бандитские шайки, кое-где, говорили, еще скрывались даже группы гитлеровцев. Так или иначе, но во время моей службы рядовым в Армавире нас не раз и не два поднимали ночью по тревоге на борьбу с бандитами. Даже стрелять приходилось, хотя не видно было ни зги.

На пути поездов в одном месте была выемка. Ее края приходились выше вагонов. Нас предупредили еще на вокзале, что там орудует шайка «крючников», которые, кидая на веревках крючья, стаскивают с вагонных крыш что попадется: мешки так мешки, людей так людей. Охотились, конечно, за мешками: «мешочников» в ту пору в тех краях было множество. И что-же? Точно: подъезжаем к этому проклятому месту, и у меня на глазах с крыши соседнего вагона стаскивают крючьями два мешка, а заодно и «мешочника»! Поезд не остановился.

Наконец, Краснодар. Военное училище. Совершенно иная обстановка. Началось с того, что прибывших переодели во все новое. Вместо ботинок с обмотками (о, гордость!) мы получили кирзовые сапоги, вместо грязных бушлатов — шинели. О питании и говорить нечего: на завтрак и ужин выдавался белый (!!) хлеб! А дисциплинка — построже! Как сейчас помню зам. начальника училища подполковника Мостовского: кадровый офицер с идеальной выправкой, всегда во всем готовый показать пример желторотым курсантам, требовательный до невозможности и в то же время (я убедился в этом на собственном опыте) готовый простить случайную оплошность. Вряд ли он жив сейчас, а хотелось бы ему сказать теплые слова. Боюсь, что мало таких командиров мне пришлось встретить впоследствии.

Распорядок жизни был железный. Подъем в 6 ч утра, физзарядка, уборка коней (училище было на конной тяге), завтрак, занятия (в классах, в поле или на манеже — пришлось овладеть верховой ездой и даже джигитовкой), обед (это — особая статья: путь в столовую лежал через «кобылу» — спортивного «коня»); отдых и снова занятия. Вечером один час отводился на «личное время», причем самое главное было — почистить оружие (а у нас кроме карабинов были еще и шашки) и пришить свежий подворотничок, а также почистить пуговицы.

Занятия были интересными. Больше всего мне нравилась топография и артиллерийская стрельба. Учился хорошо. Занимались мы по 6-месячной программе, после чего должны были идти в действующую армию младшими лейтенантами.

Но тут война кончилась. Встретил я эту радостную весть, стоя часовым на посту. Занималось утро. И вдруг над всем Краснодаром начался какой-то гул. Не сразу я различил голоса людей. Потом в воздух стали подниматься ракеты, раздались выстрелы. Сигналом вызвал начальника караула, а тут по телефону дежурный по училищу

известил: «Победа!!!» И я тоже начал стрелять в воздух! Пожалуй, это был единственный случай, когда часовые на постах расстреляли все свои патроны, и никто из них за это не был наказан. Командир нашей батареи, узнав о Победе, ворвался в казарму и поднял всех своих курсантов с постелей выстрелами из пистолета в потолок! Еще не настало утро, а по всему Краснодару шли люди, пели и смеялись.

Так закончилась для меня война. Вероятно, чудом остался жив во время блокады. Не попал на фронт, где погибли мои двое одноклассников, с которыми вместе был призван в армию.

Дальнейшее было просто. Хотя и не столь легко. Пришлось прослужить в армии ровно 10 лет. 27 ноября 1954 г. по своей просьбе демобилизовался. Не закончив 9-й класс, сразу поступил в 10-й. Сделал, что мог. Получил даже золотую медаль и без промедления поступил в Университет. Здесь меня ждал Н. А. Миняев. Остальное известно: на кафедре ботаники прошел путь от студента до профессора, заведующего кафедрой (рисунок).

В. М. Шмидт со студентами на практике в Псковской области (1974)

Студенты слева направо: Л. П. Прокопенко, А. Г. Пак, Е. А. Соколова.

Удалась ли жизнь? Твердо верю: удалась. Не зря все пережито. Сумел принести пользу и другим. А ведь именно в этом — смысл жизни.

Военное время остается в памяти. Многое, наверное, стерли года. Но основное — помнится. На всю жизнь. И хочется сказать молодым: помните и вы, что пережили старшие. Пока еще живы люди, которые на своих плечах вынесли те страшные испытания — это еще не история. Но скоро все это действительно станет историей: ведь время идет... Пусть же это будет такая история, которая не забывается. Пусть она будет честной, искренней и не выхолощенной писателями будущих времен.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2013 г.